

Воспоминания о Я. Н. Шапове (Из опыта совместной работы над каталогом сколков из личного собрания Шаповых)

Е. В. Брюханова

В 2007 г. произошло знаковое для меня событие – знакомство с удивительными людьми и маститыми учеными Ярославом Николаевичем и Юлией Леонидовной Шаповыми. Результатом стала совместная работа, а затем и выход в свет книги Ростовские старинные кружевные сколки из собрания Шаповых. Летом указанного года меня вызвал зам. по науке нашего музея В. В. Зякин и ознакомил с письмом от Ярослава Николаевича. Тот сообщал, что имеет коллекцию ростовских сколков, принадлежавших его предкам, и готов их передать в музей в дар на условиях скорейшей их публикации¹. В такую удачу верилось с трудом, поскольку после многолетнего изучения истории русского кружевоплетения вообще и ростовского в частности я знала, что самих образцов местного кружева от прежних времен дошло крайне мало. Сколков по дореволюционным публикациям известны лишь два примера не типичного характера узора, а сами карты не сохранились². Поэтому некоторая доля недоверия к этому известию существовала. Тогда же дирекция меня командировала в Москву с целью убедиться в достоверности этого сообщения.

В эту поездку я несколько робела, поскольку всегда испытывала уважение к людям, посвятившим себя науке и на этом поприще многого достигших. Вместе с тем у меня было уже собственное сложившееся мнение, и я вну-

¹ В 2006 г. в Ростове снимали документальный фильм о Я. Н. Шапове и его предках. Поскольку музейные сотрудники Т. В. Колбасова и Е. И. Крестьянинова в свое время провели большую работу по сбору информации о ростовской ветви рода Шаповых, по некоторым вопросам они консультировали. См.: *Крестьянинова Е. И.* Материалы к истории Ростовского купечества. Купцы-старообрядцы Шаповы в XIX–XX вв.: генеалогия и судьбы... // Сообщения Ростовского музея (далее – СРМ). Ростов, 2002. Вып. 12. С. 74–90; *Крестьянинова Е. И., Никитина Г. А.* Граждане Ростова. Ростов, 2009. С. 169–182; *Колбасова Т. В.* Купеческий портрет из собрания Ростовского музея. Каталог. // СРМ. Ростов 2001. Вып. 11. Кат. № 8, 17, 34, 37, 38, 39, 40, 41. С. 177, 178, 185, 186, 187; *Ее же.* Портретная галерея купцов благотворителей во второй половине XIX в. // История и культура Ростовской земли (далее – ИКРЗ). 1999. Ростов 2000 С. 251, 256; *Ее же.* «Здание это будет служить украшением города...». К истории основания и строительства в Ростове Плешановской богадельни. 1866–1872 // ИКРЗ. 2008. Ростов. 2009. С. 264, 279. После этого, относясь с уважением к музею и его сотрудникам, Я. Н. Шапов решил передать сюда свою коллекцию сколков.

² Более подробно см.: *Брюханова Е. В.* Ростовское кружево в известных образцах // ИКРЗ. 2005. Ростов, 2006. С. 512; *Брюханова Е. В., Шапов Я. Н.* Ростовские старинные кружевные сколки из собрания Шаповых. Альбом-каталог. Ростов, 2009.

тренне готова была его отстаивать. Опасность взаимного недопонимания существовала.

Однако боязнь рассеялась при встрече. Ярослав Николаевич оказался гостеприимным хозяином и настоящим ученым, лишенным всякого снобизма. Поэтому напряжение быстро спало. Он познакомил со своей супругой – Юлией Леонидовной, оказавшей самый теплый прием³.

Коллекция оказалась, бесспорно, подлинной и с богатой историей. С увлечением мне показывались не только сколки, но и личные вещи кружевниц, некоторые из них потенциально могли быть также переданы музею (что впоследствии и произошло). Окрыленная неожиданно свалившейся на наш музей удачей, я вернулась и доложила директору – А. Е. Леонтьеву. Сам известный ученый, доктор исторических наук, он сразу оценил щедрость дара⁴. Коллекцию решено было с радостью принять. После ее передачи в 2007 г. в Москве, встал вопрос о создании каталога, работа над которым заняла почти весь 2008 г.

У Ярослава Николаевича уже было свое представление о внутренней структуре будущего издания. Он провел некоторую систематизацию коллекции, для чего проконсультировался у автора учебника по кружевоплетению И. Е. Белозёровой⁵. Отмечу, что он никогда не скрывал этого факта. Напротив, с неизменным уважением указывал на ее советы. В дальнейшем это всегда служило для меня высоким примером глубокой порядочности в научном сотрудничестве.

Поскольку каталог, после передачи сколков должен был представлять уже не частное, а музейное собрание, предстояло в кратчайшие сроки собрать возможный максимум сведений о самих технических картах и их владельцах. С Ярославом Николаевичем мы пришли к общему мнению, что никто лучше него самого не сможет написать о родственницах-кружевницах. Дальнейшее наше общение шло по электронной почте и во время нечастых приездов в Москву с отчетом о продвижении дел. Личные встречи вспоминаются особо. Любой вопрос, возникавший по ходу работы, быстро разрешался. Обширнейшая домашняя библиотека, в которой Ярослав Николаевич легко ориентировался, давала возможность тут же найти нужный материал. Если тема была не в его компетенции, он советовался с супругой Юлией Леонидовной. Так случилось, например, с проблемой определения значения слова «сатанторовой» и некоторых других вышедших из употребления терминов французского происхождения. Тогда Юлия Леонидовна быстро определила этимологию слова, что в конечном итоге позволило понять его смысл.

Хотелось бы особо отметить достойное подражание отношению Ярослава Николаевича к его предкам. Оно было наполнено не просто уважением к их

³ Она – известный специалист, доктор исторических наук, свободно владеющая 4-мя иностранными языками, не только помогала советами, но и, как радушная хозяйка, тогда и потом при наших встречах не раз удивляла не только прекрасно накрытым столом, но и искусно приготовленными блюдами.

⁴ В дальнейшем он всячески содействовал скорейшему выходу издания.

⁵ *Белозёрова И., Блинова Л. Русское кружево. Школа плетения на коклюшках. М., 2005.*

прожитой жизни, но и обостренно ощущаемым чувством ответственности за сохранение памяти о них, обязанности личного поддержания фамильной чести. Результатом такого отношения, переданного ему родителями, было бережное сохранение семейного наследия. Именно поэтому и могли сохраниться сколки, для абсолютного большинства людей другого склада — ненужные бумажки. Ярослав Николаевич всегда хранил память об Илье Васильевиче Шапове, организовавшем в 1892 году в своей усадьбе Александрово Подольского уезда с помощью Московского губернского земства кружевную мастерскую. Интерес к кружевам видимо, был и у отца Ярослава Николаевича — Николая Михайловича⁶. Обнаружив среди семейных реликвий сколки, тот их выделил и сделал первые наблюдения. В одном из писем Ярослав Николаевич писал об этом так: «От отца осталась папка со сколками, на которой надпись его рукой: «Сколки» бабушки Александры Федоровны Пономаревой (умерла ок. 1907 года, родилась в Ростове в 1823 г.) Сколки, вероятно, предыдущего поколения (на бумаге писем 1830 года)»⁷. Ему же принадлежала небольшая брошюрка по кружевоплетению.

У самого же Я. Н. Шапова по отношению к атрибуции кружевных карт был особый новаторский подход. Он провел детальное исследование водяных знаков мануфактур-производителей бумаги сколков ручного изготовления, позволявших определить время ее создания с различной степенью точности. Мои знания в этой области были поверхностными, поэтому мнение его как специалиста значило весьма много.

Однако Ярослав Николаевич никогда не навязывал своего суждения, а лишь указывал и советовал. Так мы несколько разошлись во взглядах на датировки. Мне казалось необходимым учитывать возможность вторичного использования бумаги и соответственно добавлять к начальной дате некое определенное количество лет. Соглашаясь в принципе с этой мыслью, он был убежден, что случаи вторичного использования не могли быть многочисленны, в основной массе сколки создавались из нового материала и, соответственно, учитывать нужно было только залёжность. Приведу пример из нашей переписки: «...Основное мое замечание касается вашей «абсолютизации» дат филиграней, собранных Клепиковым в качестве единственных или редких. Когда он приводит ряд дат, когда зафиксирован в документах или печатных книгах определенный знак, это может свидетельствовать о том, что именно в эти годы или промежутки между ними бумага с этим знаком и употреблялась. Когда документы уникальны, ограничиваться датами, которые он приводит, никак нельзя — это просто встретившиеся ему (или его информаторам) даты документов. Мы с Вами об этом говорили, как и о так называемой «залёжности» и «хранении (чистой) бумаги в семье». Дата книги, когда она была напечатана, свидетельствует только о том, что в этом году была употреблена бумага с этим знаком, но она могла быть употреблена и раньше, и позднее (Клепикову не попался такой образец!), и книгу продолжали читать в течение десятилетий по-

⁶ Шапов Н. М. Я верил в Россию, М., 1998.

⁷ Здесь и далее приводятся цитаты из электронных писем, хранящихся в личном архиве автора.

сле этой даты. Также и со сколком и кружевом, которое плели по этому сколку. Дома запасов бумаги не хранили, а шли и покупали в лавку».

В конечном итоге мы поладили на том, что свое мнение он выскажет в своей части вступительной статьи, а в каталоге датировки будут более осторожными.

В ходе работы, по мере того, как будущее издание обретало форму, чтобы расширить его востребованность, у Ярослава Николаевича возникла мысль снабдить его пояснительным текстом на английском языке. Задача была непростой и требовала не только хорошего знания языка, но и владения специальными терминами и понятиями. Текст составил сам Ярослав Николаевич, а основной перевод осуществила его невестка — Ирина Анатольевна Шапова. Некоторые правки, касающиеся узко английской специфики употребления тех или иных слов осуществила специалист Ростовского музея Наталья Николаевна Есина, длительное время проживавшая в Англии. Тем, не менее, стремление к качеству работы вызвало у Ярослава Николаевича новые замечания: «...Принимаю текст, отредактированный вашей переводчицей, но со следующим исправлением ошибок и опечаток: [далее следует серьезный перечень его поправок]. Эти усилия не оказались напрасными. Так, во время фестиваля «Серебряная коклюшка», проходившего в Вологде в 2011 г., куда был привезен каталог, его охотно раскупали и иностранцы. Также, спустя год, на адрес музея пришла просьба выслать десять экземпляров в Германию.

После выхода каталога в конференц-зале Ростовского музея состоялась презентация, на которой требовалось присутствие авторов. Я. Н. Шапову было уже трудно совершать длительные поездки. Хотя о своих проблемах со здоровьем он стремился никогда не говорить, но это можно было прочесть между строк. Незадолго до своего приезда в Ростов он писал: «Какими поездками, можно добраться, чтобы с удобствами и не очень рано? ...Я ездил в прошлый раз электричкой, и это было тяжелое испытание: один телевизор чего стоил!». Однако на этот раз он добрался вполне успешно накануне события, и остановился в музейной гостинице. Неизменная спутница Юлия Леонидовна его сопровождала. Презентация прошла в замечательной обстановке, было много вопросов. Ярослав Николаевич был в приподнятом настроении.

В июне 2011 г. он решился на передачу в Ростовский музей дорогих ему вещей, поколениями хранившихся в семье. В первую очередь, это письма самих ростовских кружевниц В. И. Гогиной и А. Ф. Пономаревой, так называемая «приданственная роспись» — опись приданого 1846 г. дочери В. И. Гогиной, печатные рисунки для вышивки бисером первой половины — середины XIX в., раскрашенные вручную, и многое другое. Из них документальные материалы дополнили сформированный в музее еще в 2008 г. фонд, названный «Архивные документы семьи Шаповых». После их перевозки в Ростов он написал: «Дорогая Елена Владимировна, рад, что материалы попали, наконец, в Музей. Я думаю, что если письма из Ярославля М. И. и М. К. Шаповым более интересны Ярославскому музею, то можно было бы передать их от моего имени туда. В них рассказывается о жизни ярославских родственников, а не ростовских. Впрочем,

это решать Вам...». Как известно, 31 августа того же года Ярослава Николаевича не стало. Руководством было решено оставить весь архив в Ростове. Некоторые документы рода Щаповых в музее уже были, поскольку этот старинный купеческий род упоминается в переписных книгах Ростова еще в 1646 г. Известно, что один из прямых потомков этой фамилии, В. И. Щапов, в начале XIX в. переселился в Москву, где основал ткацкую фабрику, управляющим которой впоследствии стал его племянник Михаил — дед Я. Н. Щапова. Другие же представители этого рода осели в Ярославле.

Прежний музейный фонд архива Щаповых насчитывал 57 дел, датированных 1797—1896 гг. В 2006—2008 гг. он частично пополнился новыми документами. Теперь он содержит в себе векселя, различные договора, отпускные листы, приказчиьи свидетельства. Бытовая сторона жизни Ростова в нем представлена, в том числе, школьными тетрадями, программами семейных танцевальных вечеров в купеческом собрании 1873—1874 гг. Вновь поступившие в 2008—2011 гг. бумаги из домашнего архива Я. Н. Щапова раскрывали подробности жизни купеческих и мещанских семей в Ростове и Ярославле 2-й половины XIX — начала XX вв. В целом архивные документы позволили сформировать двадцать шесть дел, и теперь общий фонд семьи Щаповых насчитывает 83 единицы хранения.

Часть его, связанная с Я. Н. Щаповым пополнялась в два этапа: в 2007 г. (сколки и одно из писем) и 2011 г. Коллекция сколков значительно расширилась и конкретизировала представления о некогда широко известном, а ныне исчезнувшем ростовском кружеве. В свою очередь, сведения из домашнего архива Щаповых отчасти охарактеризовали ту среду, где развивалось местное кружевоплетение, прояснили еще одну сторону ростовского быта, дополнили знания о субкультуре ростово-ярославского купечества XIX в.

Вышедший в 2009 г. каталог был оценен мастерицами-плетягами, поскольку на базе этих сколков можно было создать собственные карты для плетения. В научном плане он был отмечен таким крупным специалистом народного искусства, как М. А. Некрасова⁸.

Вспоминая об этой напряженной и радостной совместной работе, я же сожалею только об одном: в период работы над каталогом из поля моего зрения выпала хорошо известная мне статья Р. М. Белогорской «Крепостная кружевная мануфактура князя Алексея Куракина»⁹. Такое несчастье в спешке случается. Пользуясь возможностью, я на ней остановлюсь теперь. Автор опирается на документы из княжеского архива первой трети XIX в. Их можно соотнести с возрастом ростовской кружевницы В. И. Гогиной, которая в 1813 г. уже вышла замуж¹⁰, а значит, к тому времени могла уже иметь солидный опыт

⁸ Некрасова М. А. Рецензия на книгу «Ростовские старинные кружевные сколки из собрания Щаповых». Альбом-каталог. Авторы и составители Е. В. Брюханова и Я. Н. Щапов. Ростов Великий. 2009. — 253 с. / Научный православный журнал «Традиции и современность» № 11. 2011. С. 136—43.

⁹ Белогорская Р. М. Крепостная кружевная мануфактура князя Алексея Куракина / Труды Государственного Исторического музея. Вып. 75: Памятники русской народной культуры XVII XIX веков. М., 1990. С. 104—116.

¹⁰ См.: Брюханова Е. В., Щапов Я. Н. Ростовские старинные кружевные сколки...

в плетении, поскольку этому умению ростовских девочек обучали с 8 лет. Несколько приводимых фактов, еще более могут пояснить ценность переданных сколков. Так, например, автор указывает на запрет в 1793 и 1816 гг. на ввоз в Россию высоко ценимого иностранного кружева, снятый к 1820 г. Зарубежное кружево было весьма дорогим и принадлежало к предметам роскоши, поэтому домашней работы кружева были важны для бюджета любой семьи. Из бумаг мастерской становится ясным и особое положение сколочниц, и редкость этого умения. Так, Р. М. Белогорская пишет: «Умение делать сколки ставило их [сколочниц] в исключительное положение на фабрике, делало их незаменимыми...»¹¹. В 1834 г., когда состав мастерской сократился до семи человек, среди них, тем не менее, была сколочница, которая занималась только своим делом. В статье указана цена «бумаги белой» на сколки — 16 копеек, приведены виды мерных кружев и примерные цены на них. Кружева разделяли на «русские» и т.н. «французские». Вероятно, это общее название кружев западноевропейского типа. Последние — тюль, вуаль, ниток — были наиболее дорогими и предпочтительными. Тюль считался постельным кружевом. Его узкий вид шел также на чепчики. Ширина кружева определялась в вершках — от одного до трех с четвертью (Вершок примерно равнялся 4,45 см). Цена «французских» кружев в зависимости от ширины, стоимости материалов и расходов на мастериц оценивались следующим образом: один аршин кружев из ниток № 135 (самых тонких) при ширине в 1 вершок стоил 15 руб., той же длины образцы из ниток № 80, при ширине 2,5 вершка — 30 руб. Чтобы понять насколько это дорого отметим, что в 1830 г. средняя цена на взрослую кровную лошадь колебалась от 60 до 100 руб.¹² Сами кружева указанной мастерской не сохранились, неизвестны в подробностях их узоры. В известной мере восполнить этот пробел позволяют Ростовские сколки, тем более, что в Ростовском уезде у Князя Куракина также была вотчина.

¹¹ Белогорская Р. М. Указ. соч.

¹² История коневодства в селе Завиваловка Камеского района Пензенской области [электронный ресурс] // URL: <http://kamenkacity.ru/zavivalovka/konezavod1.php> (дата обращения: 20.10.2015).